

Загадка обелиска – маленькая тайна Великой войны.

Кузьмина Татьяна Николаевна
заместитель директора по
воспитательной работе МКОУ СОШ с. Мгачи
Александровск-Сахалинского района
Сахалинской области
Т: +7(978)-894-30-70

с. Мгачи 2021 г.

Кто ты, тот далёкий, неизвестный? Я кричу тебе в небытие...

Стали опалённой горем песней имена, сгоревшие в войне.

«Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, что и человека, споткнувшегося с разбега, тянет, поднявшись, оглянуться на место своего падения».

Эти слова знаменитого историка Василия Осиповича Ключевского в полной мере объясняют желание современников ещё и ещё обращаться к теме Великой Отечественной войны.

22 июня 1941 г. наша страна столкнулась с бедой такого размера и размаха, что еще, пожалуй, не одно столетие будем оглядываться на то июньское утро со смешанным чувством недоумения и горечи. Как могла произойти такая трагедия, насколько оправданы столь колоссальные жертвы, принесенные на алтарь Победы? «Великая Победа учит нас беречь мир. Война показала, к какой страшной черте могут подвести претензии на мировое господство, насколько опасны попытки силового давления на свободные народы, на суверенные государства. Долг современных поколений - не допустить повторения этого сценария, повторения подобных глобальных конфликтов, сделать все, чтобы атмосфера добросердечности, сотрудничества, добрососедства стала единственно возможной в отношениях между государствами...».

К сожалению, многие до сих пор путают отношение к Родине и отношение к режиму. Будучи истинными патриотами, любя нашу страну, они считают для себя невозможным рассуждать о режиме, который тогда существовал в истории России. Между тем, увы, этот режим в значительной степени был причиной тех ужасных жертв, которые понесла наша страна в период войны. И одержала Великую Победу именно в то же судьбоносное время! Я пишу именно эти слова во вступлении, потому что в ходе работы над проблемой сталкивалась с радикально настроенными людьми. Одни из них – потомки жертв депортации, предки других погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Есть и такие, как и я, у которых один дед – герой войны, а другой, в качестве «врага народа», отбывал наказание в лагере. По-разному люди относятся к событиям, которые связаны с маленьким обелиском, расположенным в крохотном селе Ворон недалеко от Судака в Республике Крым (Рис. 2). Но все сходятся во мнении о святости этого места, о том, что люди, захороненные здесь – герои. Много ещё «белых пятен» в

истории Великой Отечественной войны. Много трагического было за 1418 дней, много и героического. Исследовательская работа будет продолжаться ещё многими поколениями. Вот и я, вместе с детьми туристического клуба «Ай-Серез», пыталась разгадать тайну скорбного обелиска.

Главной целью нашего труда стало изучение последовательности и правдивости событий, произошедших 6 марта 1942 года в селе Ворон городского округа Судак. Кто же захоронен в братской могиле?

Для достижения целей перед нами стояли следующие задачи:

- взять интервью у компетентных людей;
- проанализировать и систематизировать полученный материал;
- изучить литературу по теме, архивы музеев сёл Морское и Заветное;
- подвести итоги исследовательской работы;
- использовать полученный материал для выступления на классных часах, для подготовки дополнительного материала при изучении предметов «Истории России».

Основные источники информации: Интернет, воспоминания жителей окрестных сёл и села Ворон, фотографии архивов, материалы музеев.

Объектом исследовательской работы является историческая эпоха рассматриваемых событий, а предметом – конкретные люди, свидетели событий Великой Отечественной войны. В процессе изучения проблемы мы работали с архивами общественного музея имени А.И. Квашнина села Морское, школьного музея села Заветное, брали интервью у сотрудников музея, беседовали с родственниками. Также нами были использованы хронологический, ретроспективный, биографический методы исследования.

Гипотеза: мы предположили, что имена, написанные на надгробной плите, не принадлежат солдатам, погибшим весной сорок второго в Вороне.

Ожидаемый результат: в результате исследовательской деятельности мы будем изучать историю конкретных событий, сделаем вывод о том, кто захоронен в братской могиле села Ворон.

Начнём с легенды, которую повествуют местные жители туристам.

II. Основная часть

1. Легенда о событиях 6 марта 1945 года, не лишённая правдивых фактов.

Долгое время группа солдат вынуждена была скитаться по лесам оккупированных окрестностей Судака. Им указали на село Ворон, как на место, где нет немцев. Измученные красноармейцы надеялись на то, что их покормят и дадут отдохнуть, восстановить силы. Их гостеприимно приютил хозяин крайнего дома у самой скалы. Именно этот человек предупредил неприятеля о «незваных гостях». Дом был окружён. Солдаты отстреливались. Жертвы были с обеих сторон. Закончилась битва страшным пожаром. Дом, где продолжали сражаться красноармейцы, обложили соломой и подожгли. Ребята сгорели заживо. Во многих источниках утверждается о том, что в пожаре погибли десантники, высаженные в районе Судака.

2. О Судакских десантах.

Ближе к середине сентября 1941 года фашистская армия вплотную подошла к Крыму – важному стратегическому объекту, так как через Керченский пролив можно было попасть на Кавказ. Полуостров с материком соединяет лишь узкий Перекопский перешейк. Кровоточащим пятном на карте Крыма времён Великой Отечественной войны останутся места героических сражений Керченско-Феодосийской десантной операции. Успешное завершение её давало надежду на скорое освобождение всего Крыма. Директивой от 1 января 1942 года командующий Кавказским фронтом потребовал от флота высадки нескольких тактических десантов. Как известно, десант в Евпаторию был высажен 5 января, а местом высадки еще одного (точнее, даже нескольких) стала Судакская долина.

Первая группа десанта была высажена в ночь с 5 на 6 января 1942 года в посёлке Новый Свет у мыса Чеканный или Чеканын-Кая (подразделения 226-го горно-стрелкового полка, 218 человек). Высадка производилась с эсминца “Способный” и сторожевого катера. Десантники прорывались в тыл противника. В Новом Свете, при попытке захватить комендатуру, погиб командир группы и несколько бойцов. 51 человек попали в плен при прочёсывании противником лесов. А несколько человек были захвачены и убиты на месте коллаборационистами. Остатки группы скрывались в лесу до прихода основных сил полка, не ведя активных действий. 16 января они соединилась с десантом в Судак(Рис 7).

Основной десант высаживался в ночь на 16 января 1942 года при семибальном шторме и ураганном ветре непосредственно в Судакской бухте (главные силы 226-го

горно-стрелкового полка из состава 63-й стрелковой дивизии 44-й армии, командир майор Г.Н. Селихов, численность 1 750 человек, с четырьмя орудиями). Высадка производилась с крейсера «Красный Крым», эсминцев «Сообразительный» и «Шаумян», канонерской лодки «Красный Аджаристан». Также в высадке принимали участие шесть катеров «морской охотник» при артиллерийской поддержке линкора «Парижская коммуна» и эсминцев «Безупречный» и «Железняков». В операции также участвовали две подводные лодки, выполнявшие роль плавучих маяков. Командовал операцией – контр-адмирал Владимирский.

К вечеру 16 января десантники захватили Новый Свет, Кучук - Таракташ (Малый Таракташ) и Биюк Таракташ (Большой Таракташ, ныне село Дачное). Главная задача – содействие наступлению советских войск в районе Феодосии – потеряла смысл, так как 15 января части 11-й немецкой армии Манштейна сами перешли в наступление. 17 января Феодосия была оставлена нашими войсками. Десант занял круговую оборону — по роте солдат перекрыли дороги на Алушту и Грушевку, вокруг Судака также укрепились 1 рота с двумя орудиями. Основные силы полка выдвинулись к Феодосии, но попали под удар немецких войск. 19 января Манштейн бросил против десанта войска, освободившиеся под Феодосией. Авангард полка был окружен и погиб в полном составе в бою в селе Отузы (Щебетовка). Остальные силы полка до 22 января оборонялись в районе перевала Синор, несмотря на использование противником авиации. В ночь с 23 на 24 января полк отошел и закрепился восточнее Большого Таракташа. Обращает на себя внимание тот факт, что с 16 по 23 января десант действовал вообще без какой-либо поддержки со стороны флота или фронта.

23 января эсминец «Бодрый» доставил в город Судак боеприпасы и вывез 40 раненых. В ночь на 24 января в Судак был высажен 554-й горнострелковый полк 138 горнострелковой дивизии 44-й армии (командир — майор С. И. Забродоцкий, 1 376 человек, 2 орудия) и рота морской пехоты Черноморского флота (150 человек). В отряд кораблей высадки входили крейсер «Красный Крым», эсминец «Шаумян», тральщик № 16, четыре сторожевых катера, в отряд кораблей артиллерийской поддержки — эсминцы «Безупречный» и «Сообразительный», командовал операцией начальник штаба эскадры Черноморского флота капитан 1-го ранга В. А. Андреев. Высадка проходила в жестокий шторм и мороз, из-за чего ещё около 250 человек с крейсера «Красный Кавказ» высаживать не смогли. Одновременно удалось эвакуировать до 200 раненых.

26 января противник (немецкие части общей численностью до двух пехотных полков, 4-я румынская горная бригада) перешёл в решительное наступление. Десант понес большие потери. Никаких действий по спасению его командование флота и фронта не имело возможности предпринять. 27 января был оставлен Судак[19].

Уцелеть и уйти к партизанам удалось только около 500 (по другим данным не более 350) десантникам, в том числе командиру полка Салихову.

3. Местные жители о событиях в селе Ворон.

Мы побывали на братской могиле. На плите написано: «Вечная память героям, погибшим за независимость нашей Родины, далее перечислены девять фамилий: **матрос Авдиенко, матрос Котьяников Н.Г., матрос Корукин С.Г., матрос Нестеренко, матрос Пековиев, матрос Ремень Р.В., старшина Резников, матрос Тёмкин А.Н., матрос Котельников Н.П.** и дата **3.03.1942** года.

Между высадкой и гибелью десантников временной разрыв более, чем в полтора месяца, а с момента высадки – больше двух месяцев, не могли же они искать партизан по лесу полтора месяца? В это время в прилегающих лесах «дислоцировались как минимум четыре партизанских отряда общей численностью около 500 человек»[9]. Пешком преодолеть такой путь можно за 2-3 часа. Всем понятно, насколько это сложно было в условиях оккупации, но 2 часа и 2 месяца, согласитесь - не сопоставимое время. В источниках, которые мы изучали, называют разное количество погибших. Это тоже наводит на размышления.

Нам удалось побеседовать с женщиной, присутствовавшей при перезахоронении солдат в 1966 году – директором местного клуба Валентиной Николаевной Будниковой, которая в своё время была знакома с удивительным человеком, местным энтузиастом Петром Владимировичем Петруниным. Именно он был уверен, что в братской могиле покоятся останки десантников, именно он небезуспешно разыскивал родственников погибших. И судя по изученной нами литературе, её авторы опираются на мнение Петрунина. А ведь сам Пётр Владимирович приехал в село в 1944-ом, и мог услышать лишь вольный пересказ случившегося. Очевидцы событий были к этому времени все депортированы.

Бывшая учительница местной школы Дина Васильевна Ваганова долгое время занималась краеведческой работой и очень многое знала об истории Капсихора (современного села Морское), Шелена (Громовки), Ворона и Ай-Сережа (Междуречья) времён Великой Отечественной войны. К сожалению, её уже нет в живых, но сохранились

рукописи о важных событиях, в том числе и событиях, которые интересовали нас. По её мнению, ночью с 19 на 20 января 1942 года в бухте Нового Света под Судаком высадился десант, так называемый демонстрационный, состоявший из небольшой группы краснофлотцев. У них погиб политрук и сами они, голодные и измученные, долго искали партизан, чтобы передать собранные сведения на Большую землю. С партизанами они так и не встретились, а на немцев «натыкались» часто, то вступая в неравный бой, а чаще скрываясь от преследования. К селу Ворон они вышли лишь к началу марта.

Остановились они в крайнем доме, расположенном под скалой. До сих пор жители села показывают то место под скалой, где находился дом. Личность хозяина не уточняется ни в одном источнике. Не знала его имени и Дина Васильевна. Как только красноармейцы зашли в дом этого гражданина и объяснили, кто они и зачем пришли, хозяин дома ушёл, следом за ним незаметно ушли члены его семьи. Вскоре дом его был окружен местным населением до 300 человек, многие из местных жителей были вооружены винтовками и полуавтоматами. Именно они и стали обстреливать дом. В тот день был убит один красноармеец и один человек из коллаборационистов. Местное население целую ночь не уходило. К утру, староста Ворона Кара Нури послал представителей по близлежащим деревням Ай-Серез, Капсихор, Кутлак (Весёлое) и Шелен за помощью. В это время в перечисленных населённых пунктах (за исключением д. Кутлак) немецких войск не оказалось. Немецкий офицер, находившийся со своей группой в Кутлаке, не был заинтересован этой историей и разрешил делать с десантниками всё, что считают нужным жители села. Далее история точь в точь повторяет легенду, пересказанную в самом начале.

В Посёлке «Долина роз» живёт Кадыр-Аметов Смаил бей. Однажды он пришёл с внучкой в краеведческий музей села Морское с фотографией своего дяди. Рассказал о его участии в партизанском движении в Крыму, подарил фото музею. Ему задали вопрос о Вороне и получили ошеломительный ответ. Конечно, это просто слова пожилого человека, но **живого свидетеля тех событий**. Он рассказал, как бегал подростком в Ворон к знакомой девочке и наблюдал высадку парашютистов накануне трагических событий (Рис. 5).

4. Братья Котельниковы.

На плите есть имя матроса Котельникова Н.П. В краеведческих музеях села Морское и села Заветное Республики Крым в уголках партизанской славы много материалов о Котельникове Николае Кузьмиче. Мы побывали там, посетили родственников Николая Кузьмича.

Изучив материалы семейного архива семьи Котельниковых и музея Заветнинской школы, пришли к выводу, что действительно, у Николая Кузьмича был двоюродный брат Котельников Егор Иосифович. Инициалы не совпадают, но, оказывается, родственники Котельниковых тоже предполагали, что в братской могиле покоится Егор. Но почему молчали? Николай Кузьмич, который героически защищал Крым, после войны так много сделал для восстановления памятников погибшим солдатам, и молчал о своём брате, с которым был очень близок до войны? Опять возник вопрос: почему?

Николай и Егор были двоюродными братьями, родились они в 1918 году в селении Привольное Барчаинского уезда Тифлисской губернии, где и прошло их детство. Егор Иосифович – первый ребенок в семье, а Николай Кузьмич - шестой. В 1926 году Егор и Николай пошли в сельскую школу, где окончили четыре класса. В 1930 году они поступили в Калининскую школу молодежи. В 1934 году вместе с родителями вступили в колхоз имени Ильича. В 1936-1939 гг. братья учились в Ленинанском молочном техникуме. Практически везде были вместе, делили и радости, и беды пополам. В свободные и праздничные дни Егор и Николай одевались в лучшие наряды и, как вся местная молодёжь того времени, прогуливались по главной площади в селе, кто с гармошкой, кто с балалайкой. А на большие праздники, на площади устанавливали опоры, навешивали сани. Эти сани служили качелями. Также вкапывали столб, на вершине которого было колесо, с колеса свешивались верёвки, друзья прыгали большими прыжками, держась за эти верёвки. Вместе они ходили в лес на Крестовую гору, мечтали, строили планы на будущее.

В 1939 году оба были призваны в РККА, Николая отправили на учебу в Бакинское пехотное училище, а у Егора умер отец, в семье осталось ещё два младших брата – нужна была помощь матери. Егор стать военным позволить себе не мог. Прослужив три года, он вернулся в родной колхоз. А, вернувшись домой, с большой охотой взялся за крестьянский труд. Правда, заниматься любимым делом ему пришлось недолго, даже не успел завести семью, когда на советскую землю напал вероломный враг. Егор, уже на второй день войны, снова надел военную форму.

Вот как вспоминал впоследствии о последних мирных днях Николай Котельников: «...окончив Бакинское пехотное училище, 14 июня 1941 года нас, еще не переодетых в форму лейтенантов, в количестве пятисот человек направили на альпийские сборы в район Эльбруса. 19 июня мы прибыли на базу. Получив снаряжение, теоретический расклад от инструкторов альпинизма, уже 22 июня 1941 года мы вышли на свои первые

практические занятия по преодолению крутых травянистых склонов и движению по осыпи...»[3].

Они не знали, что уже в 4 утра бомбили советские города.

Продолжает Н. Котельников так: «В этот же день (22 июня 1941 г.) всё приостановилось, и мы пешком строем возвращались до железнодорожной станции Нальчик, откуда поездом прибыли в Баку, а затем в ранее назначенные части».

В сентябре полк в составе 236-й дивизии возвратился на свою территорию и расквартировался на военном полигоне в г. Ленинкане. Там же, совершенно случайно, Николай встретил Егора. Это была последняя встреча братьев, которая запечатлена на военной фотографии. В 1942 году Николай Кузьмич воевал уже в Крыму (Рис. 3).

Мы нашли описание событий, которые переживали партизаны в тот же период, а именно в марте 1942 г.

К партизанам отряд Котельникова примкнул в самый тяжёлый период: голод, холод. Его вспоминают так: «Всегда впереди, с высоко поднятым в руках пистолетом». В партизанах 23-летний Котельников Н.К. прошел путь от командира группы отряда до начальника штаба Второго сектора, а затем Первой бригады, в которую был преобразован сектор. А 5 ноября 1943 г. стал комбригом, и бригада, получившая наименование Второй, была сформирована в составе четырех отрядов, численностью около 300 человек.

Партизаны с любовью называли его «наш комбриг», а было ему 25 лет. Слагали о нем легенды, как о самом удачливом и отчаянном командире: мог забрать у полицаев лошадей, незаметно и бесшумно используя старые казачьи навыки, добыть провиант для отряда в зимнее голодные месяцы 1942 года, а в знойное лето дедовскими методами найти подземные родники, вывести отряды из окружения, да так, что никто в этих операциях не был ни ранен, ни убит. Он мог отбивать атаки карателей превосходящих по численности в три раза, используя свой опыт в финской войне, провести бой так, что противник поливал огнем собственные позиции. Организовал партизанский аэродром, где подчиненные ему группы охраняли посадочные полосы. В 1943 году партизаны принимали тяжелые транспортные самолеты с оружием и боеприпасами. Можно только представить, как немцы мечтали и что только не предпринимали, чтобы уничтожить этот воздушный мост с Большой земли.

Сослуживцы посвящали ему стихи:

Если нет в горах тумана, то видны издалека

Облысевшие бока ветерана Берлюка.

Дремлет горная громада, а когда была война,

Фрицы шли, как саранча, но стояла, как стена,

Партизанская бригада Николая Кузьмича! [3]

(Гора Берлюк была местом дислокации и боёв 2-й Партизанской бригады в период с ноября 1943 г. по март 1944 г. В этот период ожесточённых сражений высота переходила из рук в руки по 3-4 раза за сутки).

Так случилось, что Николай начал свой партизанский путь недалеко от Старого Крыма и закончилась партизанская эпопея Котельникова 2 года спустя, там в апреле 1944-го, при освобождения и удержания Изюмовки и Старого Крыма до прихода Советской армии, где бригада Котельникова Н.К. отличилась, захватив немецкую артиллерийскую батарею, открыла огонь по противнику и не дала отступить в город Судак. За что маршал Ворошилов К.Е при личной встрече сразу после боев выразил благодарность командирам партизан восточного соединения [2].

А вот от Егора всю войну не было ни писем, ни похоронки. И вдруг, летом 1945-го, уже после войны, Николай Котельников, пребывая в Крыму в отпуске, узнаёт от своих друзей - бывших партизан, что в Воронской трагедии фигурирует фамилия «Котельников» и понимает, что одним из её участников вполне мог быть его двоюродный брат. Так ли это, достоверно неизвестно. Николай Котельников приглашает из Привольного родного дядю и вместе с ним посещают братскую могилу в Вороне, встречаются с Петруниным Петром Владимировичем (защитник Севастополя, крымский партизан, первый энтузиаст и исследователь Воронской трагедии). Слушают его стоя, с цветами у братской могилы. И вот опять первоисточником фигурирует Петрунин. Внучка Николая Кузьмича Татьяна Котельникова говорит: «Дед очень любил Егора. Часто приходил на могилу в Вороне. Молчал. Боялся его искать. А вдруг Егор оказался бы в немецком плену. Врагом народа бы стал. Вот такое было время» [3].

В записях Николая Кузьмича читаем такие слова: «нет уверенности, что именно там захоронены те, чьи фамилии выбиты и исключить, что там не Егор нельзя. Так или иначе, Егору не пришлось вернуться в родной дом, пройтись по альпийским лугам, насладиться их запахом и красотой, почувствовать радости быть любимым мужем и

отцом. Знаем достоверно, что погиб он на Крымской земле . Память народная не даёт зарости дорогам к обелискам с высеченными датами и фамилиями. Для меня Егор навсегда остался молодым парнем...»[3].

5. В путеводителе А.Д. Тимиргазина.

Изучая литературу по этому событию, мы обратились к путеводителю по Судаку Алексея Тимиргазина. Сведения, изложенные в путеводителе, кратки и сформулированы в достаточно обобщённой форме, впрочем, как и положено тексту путеводителя [12]. Алексей Дагитович, с которым нам удалось познакомиться, не поведал нам ничего нового. Его история очень напоминала рассказ местных экскурсоводов. По его словам, высадившись в районе Судак в январе 1942 года, группа десантников вела бои с немцами. Намереваясь пробиться к партизанам, оставшиеся без продуктов и изрядно вымотанные, бойцы зашли в село Ворон, постучались в крайний дом, надеясь отдохнуть. Хозяин впустил десантников, но тайно предупредил немцев, которые окружили дом и предложили бойцам сдаться. Те отказались и стали отстреливаться. Тогда оккупанты обложили дом соломой и хворостом и подожгли его, «семеро десантников погибли под рухнувшей крышей». И опять официально Алексей ссылается на материалы СМИ, основанные на воспоминаниях Петрунина.

6. А.В. Мальгин «Загадка обелиска в селе Ворон: опыт исторического расследования».

Окончательно расставить по порядку изучаемые события нам помогла фундаментальная статья Генерального директора Крымского республиканского учреждения Центральный музей Тавриды, кандидата филологических наук Мальгина Андрея Витальевича. (Его статья опубликована в журнале "Историческое наследие Крыма", №17, 2006).

Поскольку речь идет о памятнике, он предлагает начать с главного «монументного» реестра — Свода памятников Республики Крым. Под № 967 в селе Ворон (парк) Междуреченского сельсовета в реестре действительно значится Братская могила советских воинов (перезахоронение было в 1966 г.). Кроме того, что она поставлена на учет решением крымского облисполкома от 05.09.1969 № 595 и что в 1980 году была установлена охранный зона этого памятника, другой информации не имеется [9].

Паспорта хранятся в комитете Республики Крым по охране культурного наследия. Вот какие сведения имеются там: «Братская могила советских воинов. Расположена в центре

парка с. Ворон. В январе 1942 г. при выполнении директивы Военного Совета Кавказского фронта об общем наступлении в Крыму для отвлечения сил противника от Феодосийского направления в районе Судака были высажены десанты. После тяжелых боев десантники ушли к партизанам. При переходе одна из групп на окраине села Ворон попала в засаду и в одном из домов вела неравный бой в окружении. В подожженном гитлеровцами доме десантники отстреливались до конца и 6 марта 1942 г. героически погибли с пением Интернационала. В 1966 г. останки 9 советских моряков перезахоронены в центре села. На братской могиле установлен памятник-обелиск и надгробие» [9].

Ещё два источника по нашему вопросу: книга П.А. Моргунова «Героический Севастополь» (М., 1979. — С. 250—254) и работа Г.С. Сергеевой «Алушта — Судак», изданная в Симферополе в 1970 году (С. 64—69).

Фундаментальное сочинение Моргунова дает лишь общий очерк о судакской операции без углубления в детали. А вот скромная книжка-путеводитель Г. Сергеевой сообщает и некоторые подробности которые ближе к литературному очерку, чем к научно-публицистической литературе. После рассказа о том, что десантники в январе 1942 года оказались в фашистском кольце и часть сумела прорваться к партизанам, Г. Сергеева повествует о судьбе одной из групп, оказавшейся в селе Ворон: «Неизвестно, — пишет она, — как шли сюда в январе 1942 года семеро десантников. Их путь прослежен пока только в самом Вороне. Пастух, которого встретили они в уединенном домике, недалеко от села, сказал: «Идите в Ворон смело, фашистов там нет». Моряки пошли. Они смертельно устали, очень долго не ели... Зашли в дом на краю села. Они не успели поесть, когда услышали шум мотора. Бросились к окнам и увидели, как с грузовика спрыгивают гитлеровцы. Поняли — предательство... Моряки открыли огонь. Девять гитлеровцев один за другим свалились возле дома. Оставшиеся фашисты подожгли дом. Металось, гудело пламя. И вдруг послышался “Интернационал”...» [9]. Сергеева говорит о семи воинах, в братской могиле же похоронено девять человек.

Очерк Л. Литвиновой «Пепел и алмаз», который тоже упоминает Андрей Витальевич мы нашли в музее имени Аркадия Игнатьевича Квашнина села Морское (Рис. 6). Соглашусь, что там повторяется рассказ, приведенный Г. Сергеевой. Также он приводит в пример фрагменты книги С.Н. Выскубова, бывшего парашютиста Кавказского, а затем Крымского фронтов.

«...Приняв первую радиogramму, отдаю Григоряну (своему напарнику) ключ и наушники. В радиogramме командующий Крымским фронтом генерал-майор Козлов просит срочно

выслать группы на поиск парашютистов-десантников, с которыми потеряна связь. Сообщаются координаты их последнего местонахождения. О десанниках штаб фронта однажды уже сообщал. Это была группа в двенадцать человек. Выбросили ее с задачей вести наблюдения за Черноморским побережьем. Там, в районе Феодосии и Владиславовки, немцы готовились к решительному наступлению. От Севастополя побережьем перебрасывались туда войска, чтобы внезапным ударом сломить оборону Крымского фронта. Во второй радиограмме штаб фронта просил срочно сообщить о расположении штаба 11-й немецкой армии и о её командующем. Генев, прочитав радиограммы, тяжело вздохнул и тихо сказал: — О Манштейне-то мы знаем, где он находится со своим штабом. А вот что касается парашютистов!.. — и, помолчав, добавил: — Нет их больше. — Как нет? — вырвалось у меня. Я впился глазами в Генова. — Вы что-то знаете о них? Неужели погибли? — Погибли. Все погибли, — с трудом произнес Генов. — Я только сегодня узнал о них: разведчик принес эту весть, — он замолчал, уткнулся в радиограмму, но, видимо, не читал ее, думал. Может, о парашютистах, а может, о чем другом... — Они что, ваши однополчане? — спросил чуть позже. — Да, из нашего батальона, — сказал я, продолжая сверлить Генова глазами: ждал от него подробностей о гибели моих друзей. Наконец Генов с сочувствием посмотрел на меня и тихо произнес: — Погибли ребята. Что ж теперь делать? Война есть война. Без жертв она не бывает. Так вот, по рассказам разведчика, десантники благополучно приземлились в нужном районе. Какое задание имели, нам неизвестно. Они уже пробивались к Старокрымскому лесу: видимо, шли на соединение с партизанами. Поздно вечером зашли в деревню Ворон, постучали в крайний дом. Их пустили. Но хозяин оказался предателем: поднял на ноги местных полицейских и в соседнюю деревню сообщил. Дом окружили. Началась стрельба. Всю ночь она не утихала. На рассвете к врагам подошло еще подкрепление. Парашютисты отбивались отчаянно. Когда предатели поняли, что десантников живыми не взять, облили дом керосином и подожгли. Из него так никто и не вышел — все сгорели, но в плен не сдались...» [9].

Убедительнее всего фрагменты Государственного архива Республики Крым, где есть следующая информация: «Боевая группа советских парашютистов, выброшенная 9 января в районе Старого Крыма, зашла в дер. Ворон с намерением пополниться продуктами. Хозяин дома на окраине деревни, к которому обратились десантники, послав свою дочь якобы за продуктами, созвал вооруженных «самооборонцев» не только своей деревни, но также из Ай-Сереза, Шелена, Капсихора, чтобы расправиться с советскими воинами. Вся группа, в которую входили младший сержант К.П. Юргенсон, рядовые красноармейцы

А.В. Зайцев, Н.И. Демкин, М.Г. Кохаберия, Л.И. Нетронькин, Н.Х. Трегулов, А.В. Богомолов, В.С. Быков, А.К. Борисов, Б.Д. Адигиезалов, К.А. Колясников, Г.Г. Казарьян, погибла».

Приведено 12 имён погибших, а захоронено 9. Остаются вопросы. Чьи фамилии на памятнике? Где тела ещё трёх парашютистов? Могли погибнуть, ведь вокруг было много врагов.

III. Заключение

Мы много чего до сих пор не знаем. Тем не менее, есть очевидная истина: Победа – это завоевание всего народа в целом и каждого человека в отдельности. И это замечательный пример, каких в истории России немало – когда перед лицом вопроса о дальнейшем существовании нации народ сплачивается и совершает то, что, казалось бы, сделать просто невозможно, встаёт над своим отношением к людям, держащим власть. Моё мнение, что фразы «за Родину и Сталина», с которыми люди шли в бой – это всё дело пропаганды. Люди умирали за Родину (Рис. 4).

Ещё остались в живых замечательные ветераны, которые невероятной ценой спасли нашу Родину и нашу нацию, а также весь мир в целом. Так что мы должны ещё раз сказать им «спасибо» и сделать то, что в наших силах. Хотелось бы в конце работы сделать громкое заявление с фамилиями тех, кто похоронен в Вороне, но, к сожалению, гипотеза наша подтвердилась – загадка обелиска не разгадана. В Вороне могила неизвестного солдата.

Нужно ли реконструировать памятник? Думаю, что нужно. Абсолютно уверена, что рядом с фамилиями уже имеющимися, должны появиться ещё 12 и надпись: «Памятник героям, чьи имена известны и неизвестному солдату». Неважно, что в братской могиле только девять тел. Ведь захоронено меньше людей, чем погибло. А память – это единственное, что связывает нас с ними – Героями Великой войны.

Итогом работы на материалом стала песня «Без вести пропавший в Воронском огне» (Приложение №1).

Литература

1. Архив общественного музея имени Аркадия Игнатьевича Квашнина Морского СДК городского округа Судак
2. Архив народного музея Ичкинского партизанского отряда "Заветненской СШ им. Крымских партизан" Советского района Республики Крым
3. Архив семьи Котельниковых
4. Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. — М.: Воениздат, 1973
5. Белов А. К. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. — М., 1987.
6. В. Гончаров. Крым и приморский фланг советско-германского фронта в 1941-44 гг.
7. Заблотский А., Ларинцев Р., Платонов А. Десантные операции в Судак в январе 1942 года. // Десанты Великой Отечественной войны. Редактор-составитель В. Гончаров. — М: Яуза, Эксмо, 2008. — С.169-201.
8. Литвин Г. А. Крымско-татарские формирования: документы третьего рейха свидетельствуют. «Военно-исторический журнал», 1991. № 3.
9. Мальгин, кандидат филологических наук, генеральный директор Крымского республиканского учреждения Центральный музей Тавриды «Загадка обелиска в селе Ворон: опыт исторического расследования» (Журнал "Историческое наследие Крыма", №17, 2006)
10. Науменко В. Просто десант. О морском десанте у феодосийских берегов. — М., 2006.
11. Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. 1941—1942 / Составители: А. В. Мальгин, Л. П. Кравцова, Л. Л. Сергиенко. Госархив в АР Крым; Крымское республиканское учреждение «Центральный Музей Тавриды». — Симферополь, СОНАТ, 2006. — 268 с.
12. Тимиргазин А. Судак. Путешествия по историческим местам. — Симферополь, 2002.
13. Широкопад А. Битва за Чёрное море. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.
14. Ямпольский В. Национальные технологии третьего рейха // Легион «Белой смерти». / Сборник статей. М., 2002.
16. <http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=71> Статья немецкого исследователя К.Юона в «Марине рундшау» № 12 за 1962 г., перепечатана в журнале «Морской сборник» №12 за 1991 год.
17. https://ru.wikiquote.org/wiki/Василий_Осипович_Ключевский
18. <https://www.ntv.ru/novosti/192594/>

19.<http://sudak.me/news/1360-sudakskii-desant-1942-goda-neravnye-boi-i-geroicheskaja-gibel.html>

Без вести пропавший в Воронском огне.

1. Призрачный, далёкий неизвестный, я кричу тебе в небытие,
Стали опалённой горем песней, имена, сгоревшие в войне.
Был ты, может, чуть постарше брата, чуть повыше, чуть повеселей
Ты советским просто был солдатом. Жизни для Отчизны не жалел.

Припев:

Пламя, пламя, пламя, пламя прошлых лет.

С нами, вечно те, кого уж нет.

Молча выстрел в душу, как картечью взгляд.

Просто очень нужно помнить тех ребят.

Пламя, пламя душу в клочья рвёт.

В письмах маме обещал: придёт.

Мифом ставший и упрёком мне –

Без вести пропавший в Воронском огне.

2. Сколько их любимых и желанных, в 41-обещавших жить,
По полям ромашковым бескрайним будут наши души бередить.
Нет, солдат, я помню, не забуду! Это место свято, так и знай!
Здесь, у обелиска будетлюдно. Скоро День Победы, светлый май.

Припев.

Речитатив

Новый век закружил и отбросил назад, злую боль, войну, горечь утрат .

Только солнце кровью окрасив закат, вновь напомнит о подвиге этих ребят.

Поколение новое – это мы

Говорим: НАМ НЕ НАДО ВОЙНЫ!

Пламя, пламя, пламя, пламя прошлых лет.

С нами, вечно те, кого уж нет.

Молча выстрел в душу, как картечью взгляд.

Просто очень нужно помнить тех ребят.

Пламя, пламя душу в клочья рвёт.

В письмах маме обещал: придёт.

Мифом ставший и упрёком мне –

Без вести пропавший в Воронском огне.

Обелиск на братской могиле в селе Ворон городского округа Судак

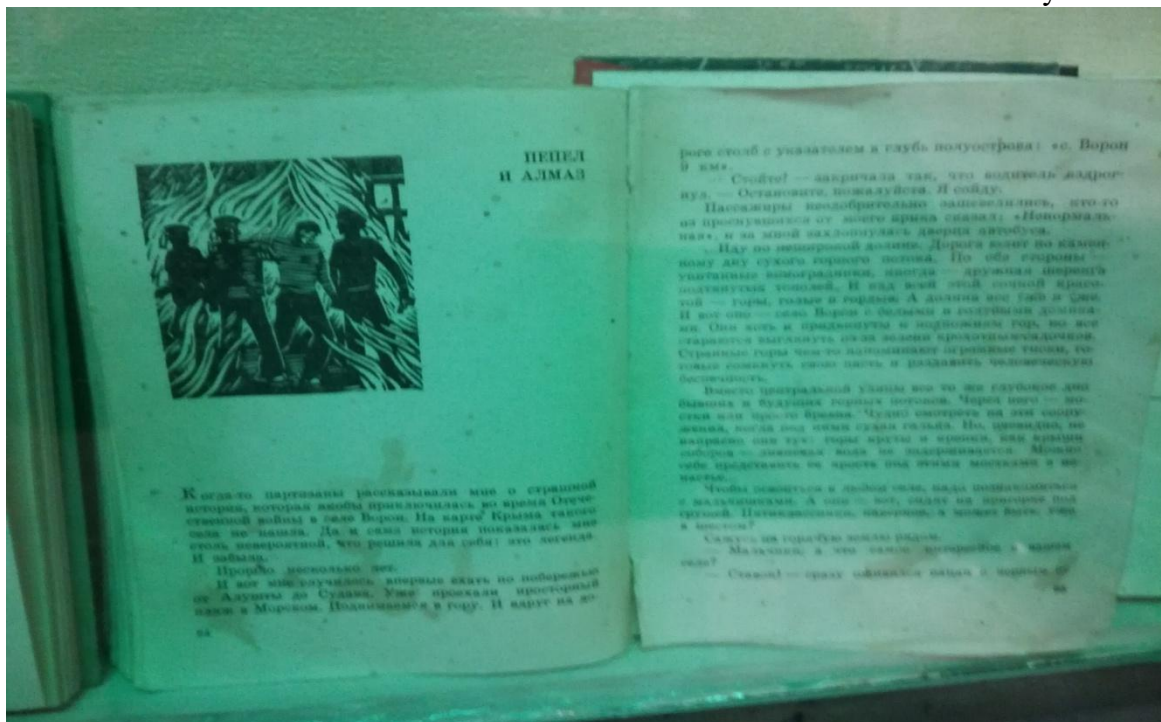
**Последняя встреча братьев Егора и Николая Котельниковых в Ленинакане,
4 декабря 1941 г., фото из архива семьи Котельниковых**

Стенд о трагедии в Вороне общественного музея имени Аркадия Игнатьевича Квашнина в селе Морское

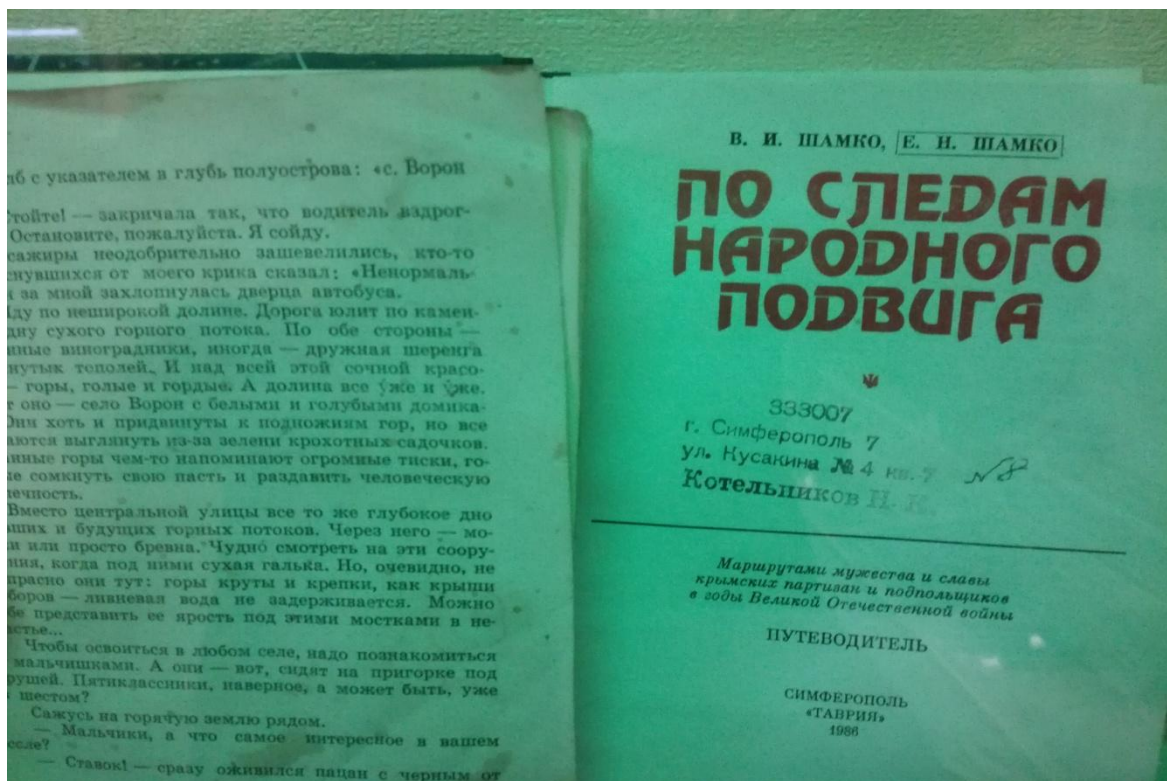

Стенд о дяде очевидца событий в общественном музее имени Аркадия Игнатьевича
 Квашнина в селе Морское

Очерк Л. Литвиновой «Пепел и алмаз» в общественном музее имни Аркадия Игнатьевича Квашнина в селе Морское

Рисунок № 7

Книга о Судакском десанте из семейного архива Котельниковых

Стенд о трагедии Вороне в общественном музее имени Аркадия Игнатьевича Квашнина в селе Морское